

ВОСТОК

Афро-азиатские общества: история и современность

1991

5

Выходит 6 раз в год

Основан в январе 1955 г.

В 1955—1958 гг. выходил под названием «СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

В 1959—1961 гг. выходил под названием «ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»

В 1961—1990 гг. выходил под названием «НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ»

Р е д к о л л е г и я

Л. Б. АЛАЕВ
главный редактор
Ю. Г. АЛЕКСАНДРОВ
В. М. АЛПАТОВ
В. И. БРАГИНСКИЙ
А. М. ВАСИЛЬЕВ
В. И. ГЛУНИН
А. В. ГУДЫМЕНКО
зам. главного редактора
А. Б. ДАВИДСОН
А. А. КУЦЕНКОВ
Б. А. ЛИТВИНСКИЙ
А. В. МЕЛИКСЕТОВ
А. М. МОДЕЛЬ
отв. секретарь
Н. И. НИКУЛИН
Э. Е. ОБМИНСКИЙ
Ю. М. ОСИПОВ
И. В. СЛЕДЗЕВСКИЙ
В. Г. ХОРОС
Г. И. ЧУФРИН
В. Л. ШЕЙНИС
Ф. Н. ЮРЛОВ
В. А. ЯКОВСОН

Р е д а к ц и я

В. В. ЗУФАРОВА
Л. С. КАЛЕНОВА
ред. отдела культуры и идеологии
Р. Г. КАНТОРОВИЧ
ред. отдела критики и библиографии
А. Б. КОВЕЛЬМАН
ред. отдела истории
С. С. НИКИФОРОВА
ред. отдела «Научная жизнь»
Н. Г. САБУРОВА
В. Н. СОКОЛОВА

Технический редактор
Г. А. НИКИТИНА

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

ЭКОНОМИКА

ДВУЛИКИЙ ЯНУС В СЕРДЦЕ АЗИИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ 70-ЛЕТНЕГО РАЗВИТИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИК В СОСТАВЕ СССР

© 1991

РУСТАМ НАРЗИКУЛОВ

В результате развития в составе СССР Средняя Азия сегодня представляет собой причудливый конгломерат современных форм экономической, социальной и политической организации, с одной стороны, и патриархальных форм этнической конкуренции — с другой. Ускоренные темпы экономического и культурного роста налицо, однако очевидна и сложность проблем, обусловленных периферийным положением в Союзе.

Начиная с 20-х годов и вплоть до середины 80-х в решениях почти всех партийных съездов говорилось о необходимости выравнивания уровней экономического, социального и политического развития всех союзных республик. Насколько реальным было достижение такой цели в отношении Средней Азии и как это отразилось на ее сегодняшней жизни? Ответу на поставленные вопросы и посвящена данная статья.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

По уровню экономического развития ¹ любой регион Советского Союза в наиболее общем виде можно классифицировать в соответствии со стадиями экономического роста — доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной. В первом случае в структуре хозяйства преобладает сельскохозяйственное производство, во втором — промышленность и на постиндустриальной стадии — сфера услуг. В табл. 1 приводится отраслевая структура занятости населения Таджикистана, социальное развитие которого типично для Средней Азии, в сравнении с РСФСР и Литвой. В промышленности и строительстве этой республики трудится всего 22,1 % занятого населения, из них в промышленности — всего 13,3 %. Доля работников сельского хозяйства составляет 42,2 %. Следовательно, Таджикистан, в отличие от европейской части страны, находится на доиндустриальной стадии развития.

Сложившаяся структура занятости отражает проводимую в СССР политику территориального разделения труда, в соответствии с которой индустриальные отрасли размещались преимущественно в его европейской части, а Средней Азии отводилась роль региона с монокультурной специализацией на хлопке. Немногочисленные промышленные предприятия представлены здесь «престижными» капиталоемкими отраслями — химической, энергетической, цветной металлургией, невыгодными с точки зрения решения проблем занятости и развития социальной сферы. При этом, казалось бы, естественное для региона строительство пред-

¹ Для характеристики уровня экономического развития регионов СССР стоимостные показатели могут быть использованы с большей долей условности в силу несовершенства статистики. Поэтому их необходимо дополнять и иными параметрами воспроизводства.

Таблица 1

Отраслевая структура занятости населения РСФСР,
Литвы и Таджикистана по переписи 1989 г. (%)

Отрасли	Республика		
	РСФСР	Литва	Таджикистан
Промышленность и строитель- ство	43,1	42,2	22,1
Сельское и лесное хозяйство	13,3	17,9	42,2
Прочие отрасли материального производства	14,9	13,7	10,8
Непроизводственные отрасли	28,7	26,2	24,9

Рассчитано по материалам Всесоюзной переписи населения
СССР 1989 г.

приятный легкой и пищевой промышленности велось в крайне ограниченных масштабах. Так, на долю Узбекистана, производящего примерно 70 % советского хлопка, приходится всего 4 % текстильной промышленности страны.

Основным сдерживающим фактором развития промышленности в регионе являлось отсутствие квалифицированной рабочей силы, а также неразвитость у местного населения потребности в индустриальном труде. И если первоначальная индустриализация в 30—50-х годах еще могла осуществляться преимущественно за счет мигрирующего русскоязычного населения, то в дальнейшем нехватка подготовленных кадров местной национальности стала главной причиной

Таблица 2

Изменение удельного веса работников промышленности
в структуре занятости населения
в материальном производстве СССР и союзных республик (%)

Группа респуб- лик	Республика*	Год					Разница между наи- большим показате- лем и соответствую- щим показателем в республике (про- центные пункты)	
		1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1989 г.	1960	1989
I	СССР	35,0	40,0	41,3	41,7	39,6	—	—
	Эстония	39,5	45,6	46,4	46,7	45,1	1,1	—
	РСФСР	40,6	45,0	45,3	45,5	43,9	—	1,2
	Армения	32,6	40,1	44,3	46,0	43,3	8,0	1,8
	Латвия	37,2	45,1	45,2	45,2	42,8	3,4	2,3
	Украина	30,8	37,3	41,9	43,2	42,5	9,8	2,6
	Литва	25,2	36,9	41,5	42,3	41,2	15,4	3,9
II	Белоруссия	22,4	32,4	38,4	40,6	41,0	18,2	4,1
	Казахстан	23,4	30,3	30,2	30,2	29,2	17,2	15,9
	Грузия	27,0	30,4	30,2	30,8	28,8	13,6	16,3
	Молдова	15,9	22,2	27,6	29,3	28,2	24,7	16,9
	Кыргызстан**	24,3	29,1	31,1	29,8	26,5	16,3	18,6
	Азербайджан	25,2	28,7	28,0	27,7	24,2	15,4	20,9
III	Узбекистан	20,5	22,3	23,3	24,1	20,9	20,1	24,2
	Таджикистан	18,2	22,6	23,8	23,5	18,0	22,4	27,1
	Туркмения	18,8	19,3	18,3	17,5	14,4	21,8	30,7

* Республики расположены в порядке убывания показателя в 1989 г.

** Несколько более высокая доля занятых и в промышленности Кыргызстана объясняется большей долей русских и украинцев в республике и наличием значительного числа предприятий оборонного комплекса.

Рассчитано по материалам, предоставленным автору канд. экон. наук В. Е. Захаровой.

нежелания отраслевых министерств размещать в Средней Азии свои предприятия. Именно поэтому с 60-х годов наблюдается нарастание различий между Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменией, с одной стороны, и республиками европейской части — с другой (табл. 2).

Если в 1960 г. разница между общесоюзным показателем индустриального развития и соответствующим показателем для этих трех республик составляла 15,2 процентных пункта, то к 1989 г. она возросла до 22,8. Причем если Узбекистан и Таджикистан по этому показателю остались на уровне 1960 г., то Туркмения «скатилась» к 1950 г. Экономический рост, инициируемый исключительно внешними факторами, недолговечен, и существует, по-видимому, «критическая точка», после которой наступает стагнация. Для Средней Азии этот период приходится на 60-е годы.

Уже в то время появляются первые предупреждения местных экономистов о появлении угрожающей тенденции нарастания разрыва между произведенным и потребленным национальным доходом в среднеазиатских республиках, о возможном превышении темпов роста населения над темпами экономического роста, о слишком медленном индустриальном развитии. Центральными хозяйственными органами была избрана дотационная по отношению к Средней Азии стратегия, бесперспективность которой отчетливо выявилась при ориентации большинства союзных республик на экономический суверенитет. Такая стратегия, во-первых, требует постоянного роста дотаций, так как регион-реципиент не увеличивает свой экономический потенциал, и, во-вторых, вызывает сначала скрытое, а затем все более явное сопротивление регионов-доноров. Поэтому именно с 1985 г. наблюдается стремительная дифференциация между «бедным Югом» и «богатым Севером» по показателям не только уровня экономического развития, но и уровня жизни (табл. 3).

Таблица 3

**Уровень экономического развития и уровень жизни в СССР
и союзных республиках (1985—1989)**

Республика	Произведенный национальный доход		Потребление материальных благ и услуг	
	на душу населения (фактические цены, руб.)			
	1985	1989	1985	1989
СССР	2087	2342	1437	1723
РСФСР	2461	2794	1559	1904
Эстония	2365	2780	1981	2415
Латвия	2448	2844	1914	2248
Казахстан	1512	1713	1291	1559
Грузия	1985	1861	1453	1564
Молдова	1629	1968	1366	1712
Таджикистан	971	953	927	1001
Узбекистан	1100	1069	988	1079
Туркмения	1253	1358	1010	1156
Кыргызстан	1102	1297	1050	1291

Источник: Экономическое и социальное развитие союзных республик. М., 1990, с. 4, 9.

В 1989 г. Таджикистан и Узбекистан полностью «проедали» свой национальный доход (потребление материальных благ и услуг на душу населения превышало среднедушевое производство национального дохода), близки к этому Кыргызстан и Туркмения. Однако при этом все равно их уровень потребления более чем вдвое уступал прибалтийским республикам.

Показатель произведенного национального дохода на одного занятого в материальном производстве демонстрирует отставание экономического потенциала,

«очищенное» от демографического фактора: для Средней Азии он уменьшился с 70 % (по отношению к СССР в целом) в 1985 г. до 55 % в 1989 г.

Наращение разрыва с Союзом в целом не могло не сказаться на уровне и качестве жизни, хотя отставание по этому параметру в значительной степени компенсировалось и продолжает компенсироваться дотациями из союзного бюджета.

В 1989 г. от 55,6 % (Кыргызстан) до 72,9 % (Таджикистан) населения Средней Азии имело среднедушевые совокупные доходы ниже 75 руб. в месяц. В РСФСР этот показатель равнялся 5,0 %, Эстонии — 1,9, Латвии — 2,4 %. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих составляет около $\frac{3}{4}$ от заработной платы в РСФСР. Заметно отставание также и по уровню развития социальной инфраструктуры. Обеспеченность населения жильем составляла от 58 % (Таджикистан) до 75 % (Узбекистан, Кыргызстан) от общесоюзных показателей. К тому же значительная часть жилищного фонда находится в личной собственности граждан (в Таджикистане, например, 63 % против 39 % в среднем по СССР). А частное жилье, как правило, худшего качества: меньше оснащенность водопроводом, отоплением, канализацией, горячей водой. Слабее развита в регионе сеть детских дошкольных учреждений: обеспеченность ими детей составляет от 16 % (Таджикистан) до 37 % (Узбекистан) по сравнению с 69 % в РСФСР. Острая нехватка школ вынуждает для более чем 30 % учащихся проводить занятия во вторую смену.

Таким образом, к началу 90-х годов Средняя Азия представляет собой наиболее слабо развитый в социально-экономическом отношении регион СССР, перспективы развития которого в условиях постепенного прекращения поддержки со стороны центра представляются весьма проблематичными.

ДУАЛИЗМ В ЭКОНОМИКЕ И СТРУКТУРА ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Финансирование процесса первоначальной индустриализации в Средней Азии за счет внешних источников (из более развитых республик) и укомплектование рабочих мест в промышленности выходцами из европейской части страны превратили региональную индустрию в ареал производительных сил, перемещенный в известной степени — в чуждую ему среду. Финансовые потоки, направлявшиеся сюда, нельзя назвать вывозом капитала в прямом смысле слова, поскольку отсутствовала цель вывоза — репатриация прибыли². Однако и регион не получил тех преимуществ, как если бы индустриализация проводилась с учетом потребностей местной экономики. В этом случае развитие начиналось бы с отраслей второго подразделения общественного производства, сопряженных технологическими связями с хлопковым комплексом.

В действительности же сформировалась своеобразная дуалистическая экономика, части которой не образуют органически законченного воспроизводственного комплекса. В аграрном секторе преобладает тяжелый ручной труд (механизированным способом собирается не более 10—15 % хлопка), промышленность занимает сравнительно небольшой удельный вес в валовом национальном продукте республик. И хотя ею производятся такие виды продукции, как металлорежущие станки, нефтеаппаратура, электродвигатели, химическое оборудование, тем не менее есть веские основания говорить о «чужеродности» промышленности региону.

Во-первых, более 50 % промышленных предприятий имеют союзную, около 40 % — союзно-республиканскую и лишь 7—10 % — республиканскую подчиненность. В большей степени они представляют интересы ведомственных структур, чем местной экономики.

Во-вторых, дуализм среднеазиатской экономики основан на межнациональном разделении труда (табл. 4). Доля лиц русской национальности, занятых в про-

² На эту особенность вывоза капитала в Среднюю Азию обратил внимание венгерский ученый К. Кисс (К. Kiss. Domestic Integration of the Soviet Economy. The Case of the Central Asian Republics. Budapest, 1987, p. 90).

мышленности, примерно в 3 раза выше доли лиц местной национальности. По строительству превышение составляет более чем 2 раза. При этом свыше половины узбеков, кыргызов, таджиков, туркменов заняты в сельском хозяйстве, доля русских, работающих в сельском хозяйстве, ничтожно мала. Лишь в Кыргызстане 10,2 % от общего числа русских нашли себе применение на селе. Любопытно, что, хотя доля занятого в индустрии коренного населения в несколько раз меньше русскоязычного, удельный вес руководителей коренной национальности среди руководителей предприятий в производственных отраслях составляет в Узбекистане 67,6 %, Кыргызстане — 55,1, Таджикистане — 66,3, Туркменистане — 71,8 %³.

Таблица 4

Доля занятых в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве в общей численности работников коренной и русской национальности в Средней Азии в 1979 г. (%)

Отрасль	Республика							
	Узбекистан		Кыргызстан		Таджикистан		Туркменистан	
	русские	узбеки	русские	кыргызы	русские	таджики	русские	туркмены
Промышленность	32,6	11,1	32,4	9,2	29,0	10,9	22,4	9,5
Строительство	18,2	7,3	12,2	4,8	17,2	6,2	17,3	8,4
Сельское хозяйство	2,7	52,6	10,2	55,4	2,8	54,3	3,4	54,3

Рассчитано по материалам канд. экон. наук В. Е. Захаровой.

В условиях дуализма экономики у коренного населения республик Средней Азии сформировалось специфическое отношение к занятости. Как отмечалось выше, незначительно развита потребность в индустриальном труде. Причем дело не только и, вероятно всего, не столько в слабом владении русским языком, неудовлетворительной образовательной подготовке и тому подобном наборе обычно приводимых причин. Основные факторы нежелания работать в производственных отраслях — отсутствие заметных преимуществ у высококвалифицированной рабочей силы в оплате труда и предпочтение в отношении лиц коренной национальности при приеме на работу в сфере услуг (наука, образование, культура, управление), в торговле.

Система предпочтений создана тем, что практически весь производимый в регионе национальный доход используется в непроеизводственной сфере, а расходы на народное хозяйство финансируются из центра. Такой «щадающий» экономический режим позволяет без особых усилий иметь практически равный с населением индустриальных регионов уровень жизни⁴. Поэтому, как правило, коренное население выбирает сферой приложения своего труда или сельское хозяйство, или сферу услуг. Эти сферы занятости, естественно, ограничены по своим масштабам, особенно в условиях вялого экономического роста и не могут охватить все трудоспособное население. Образуются избыточные трудовые ресурсы в двух формах: незанятое население и аграрное (скрытое) перенаселение. Большую их часть нельзя считать безработными: в каждой среднеазиатской республике имеется достаточное количество незанятых рабочих мест в промышленности и строительстве, исчисляемое десятками тысяч.

Нежелание заниматься индустриальным трудом подтверждают данные социологического исследования, проведенного Госкомтрудом СССР в Узбекистане среди 600 тыс. незанятых людей. Всего лишь 10 % из них согласились пройти обучение, хотя ни у кого из этих 600 тысяч не было ни специальности, ни возможности получить стабильную работу. Это объясняется сравнительно небольшим размером

³ Народное хозяйство СССР в 1989 году. М., 1990, с. 67.

⁴ Soviet Central Asia. Esbjerg, 1981, p. 92—93.

дополнительного дохода от занятости в индустриальном производстве по сравнению с объемом дополнительных трудовых затрат. О возможности иметь источник существования, не участвуя в производстве, говорят данные другого исследования, проведенного в 1986 г. Институтом экономики и Советом по изучению производительных сил АН Таджикистана, Госкомстатом республики: 82 % из числа незанятых трудоспособных людей находились на иждивении родственников.

Отсутствие стимулов к занятости подкрепляется и существующей государственной системой бесплатного образования, здравоохранения, дотационной структурой цен на продовольственные товары.

Население, «не втянутое» в индустриальную жизнь, имеет и особую структуру материальных потребностей. В 1989 г. потребление мяса на душу населения составило в Узбекистане 31 кг, Кыргызстане — 51, Таджикистане — 29, Туркмении — 44 кг. Этот же показатель составлял: в РСФСР — 75 кг, Литве — 84, Армении — 56 кг⁵. Для коренного населения он еще ниже. Даже потребление фруктов в регионе ниже, чем в целом по Союзу. В Узбекистане на душу населения потребляется фруктов и ягод 75 % от общесоюзного уровня, в Кыргызстане — 77, Туркмении — 31 %. И лишь Таджикистан находится по этому показателю на среднесоюзном уровне.

Такое отставание, так же как и худшие жилищные условия, нельзя объяснить только низкими доходами. Местное население, не достигнув с точки зрения развитой страны насыщения в удовлетворении первоочередных потребностей, часть своих доходов «переключило» на товары, не являющиеся предметами потребления «первой необходимости». В 1989 г. на 100 семей приходилось в Узбекистане 24 легковых автомобиля, Кыргызстане — 19, Таджикистане — 24, Туркмении — 27, в СССР в целом — 17 автомобилей⁶. Высокая обеспеченность среднеазиатского населения наблюдается и по другим товарам длительного пользования — телевизорам, холодильникам, швейным машинам. В Туркмении — одна из самых высоких в стране обеспеченность магнитофонами.

С точки зрения коренного жителя Средней Азии и не так важно систематически питаться мясом, как иметь в семье собственный автомобиль. Здесь мы имеем дело с характерным для развивающихся стран демонстрационным потреблением дорогостоящих товаров, поднимающих авторитет их обладателей в глазах членов традиционного общества. Неважно, что в доме нет горячей воды, ванны, туалета, дети не видят мяса и фруктов, зато глава семейства, водрузив на голову меховую шапку (желательно норковую), с гордостью восседает за рулем!

Замкнутому на аграрной части дуалистической экономики жителю расходы на удобную и красивую детскую одежду, обучение детей в музыкальных и спортивных школах, расходы на летний отдых часто представляются неоправданным расточительством, не приносящим никакой пользы. Жизненные стандарты доиндустриального общества позволяют ощущать свои низкие, даже по союзным меркам, доходы достаточными для безбедной жизни. Проведенный в 1990 г. ВЦИОМом опрос общественного мнения «Проблемы бедности и субъективные оценки прожиточного минимума» показал, что «в республиках с более высоким жизненным стандартом (Грузия, Эстония) оказалось больше людей, считающих, что бедность у нас в стране — достаточно распространенное явление по сравнению с республиками с более низким уровнем жизни (Туркмения, Узбекистан)». В Грузии 93 % опрошенных назвали нашу страну бедной или скорее бедной, чем богатой, тогда как в Средней Азии преобладали характеристики страны как богатой или скорее богатой, чем бедной.

Населению, ведущему традиционный образ жизни, не столь страшны, как жителям европейской части страны, и разговоры «о переходе к рынку». Типичным является следующее высказывание: «Наши предки питались хлебом и чаем, и мы можем довольствоваться только этим». Поскольку потребности общества более высокой ступени развития не стали для них имманентными, то возможное падение уровня жизни воспринимается довольно спокойно.

⁵ Экономическое и социальное развитие союзных республик, с. 65.

⁶ Там же, с. 70—72.

ЭТНИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА СРЕДНЕЙ АЗИИ

Ко времени образования СССР Средняя Азия представляла собой весьма пеструю в этническом отношении картину — даже внутри одного народа можно было выделить разные группы, различающиеся не только по диалектам, но и по уровню экономической организации общества, культуры. За прошедшие десятилетия эта дифференциация претерпела изменения, но не исчезла совсем. Нации, не прошедшие через нивелирующий этносы механизм рыночного хозяйства, так и не приобрели этнической однородности и внутреннего единства.

Особенностью тотально огосударствленной экономики является наличие конкуренции между трудоспособными членами общества по поводу сфер приложения труда. Это конкуренция не на свободном рынке рабочей силы, а в иерархически организованной системе государственной собственности. Если на свободном рынке труда наемный работник стремится максимизировать продажную цену своей рабочей силы, то в условиях государственного социализма он заинтересован в получении рабочего места с наибольшим для себя полезным эффектом, выраженным, помимо денежного дохода, в совокупности потребительских благ (обеспеченность жильем, доступ в закрытые распределители и обладание другими привилегиями, условия труда, престиж и т. д.).

В тех сферах государственной собственности, где критерии конечного результата труда работника размыты (управление, наука, культура, образование), распределение рабочих мест часто не связано с личными деловыми качествами работника. Благоприятная почва для этого создается тем, что распоряжение государственными рабочими местами — а в их форме и государственной собственностью на средства производства — прерогатива управленцев разного уровня, часто имеющих от этого реальные прямые и косвенные выгоды⁷.

Область, в которой наиболее сильно действует подобный механизм распределения рабочих мест, совпадает с той частью дуальной экономики, на которую ориентировано коренное население, т. е. со сферой услуг и торговлей, а также управления предприятиями, организациями. В тех отраслях, где конечный продукт приобретает материальную форму, а также в некоторых узких секторах непроизводственной сферы (естественные и технические науки, например) эти тенденции выражены слабее.

В описываемый механизм распределения рабочих мест хорошо «вписалась» крайне высокая степень этнической неоднородности коренного населения среднеазиатских республик. На основе этнического признака в государственных структурах сформировались неформальные кланово-земляческие группы, объединенные общим интересом в получении рабочих мест с наибольшим полезным эффектом. Цель клана — максимальное продвижение своих членов по ступеням государственной иерархии.

В отличие от жестко организованных группировок мафиозного характера среднеазиатский клан формируется на сугубо добровольных началах, не предусматривает наказаний за неисполнение воли клана и поэтому иногда труднораспознаваем. Но его нельзя назвать и компанией друзей, оказывающих друг другу помощь, — к клану относятся только выходцы из одной местности. Таким образом, отличительный признак клана — единство места рождения его членов. Важно подчеркнуть: не общность занятий, не духовные интересы, мировоззрение, а именно место рождения.

Этнический фактор в общественной жизни до сих пор имеет настолько сильное влияние, что можно говорить не только о межнациональном (между коренным и русскоязычным населением), но и внутринациональном разделении труда. Так, в Таджикистане сферы управления, науки, культуры комплектовались, особенно

⁷ «Хлопковые дела» в Узбекистане выявили в середине 80-х годов настоящий рынок рабочих мест, где, в отличие от рынка труда, торговали не рабочей силой, а должностями и званиями. Так, место секретаря райкома партии «стоило» около 100 тыс. руб.

в первые годы советской власти, преимущественно выходцами из северной части республики (Ленинабадская область) и вошедших в состав Узбекистана Самарканда и Бухары. Во время февральских событий 1990 г. в Душанбе на этой основе выдвигались претензии к руководству республики: «Почему на севере женщины-таджички рожают руководителей и ученых, а на юге — рабочих и дехкан?» Очень часто в Таджикистане первое, что хотят узнать о человеке при знакомстве, — это его место рождения: «*Аз кучо?*» (буквально: «Откуда?»). О значении этнического фактора в жизни региона говорит и то, что руководство республик ведет кадровый учет по этому критерию. Так, в президиум Академии наук Таджикистана периодически поступают запросы «сверху» о месте рождения кандидатов и докторов наук и месте рождения их родителей.

Распределение рабочих мест и должностей основано на силе и влиянии клана в целом в республике и конкретно в данной сфере занятости. К примеру, при назначении на должность руководителя комиссии в парламенте или члена правительства довольно строго учитывается, сколько мест получили и получают выходцы из той или иной местности, чтобы не вызвать чьего-либо недовольства. Иногда по этой причине назначение может быть заблокировано, если в составе управленцев членов данного клана — очевидный избыток. Некоторые случаи блокирования носят почти анекдотичный характер, когда члены парламента, забыв о своем демократическом имидже, начинают вслух обсуждать место рождения и соответствующую ему принадлежность к клану кандидата на должность. Свидетелями таких недавних дебатов в парламенте Таджикистана были сотни тысяч телезрителей республики. . .

Поскольку клан не имеет жестко закрепленных организационных границ, то внутри себя он структурирован по нескольким уровням. Предельная дробная единица клана — кишлак или даже махалля (квартал), когда речь заходит об отстаивании его интересов внутри района. При решении вопросов на уровне области «клановость» проявляется в районном масштабе, и, наконец, республиканская конкуренция кланов имеет прежде всего межобластной характер.

В Таджикистане в таком случае говорят о противостоянии более развитого «Севера» (Ленинабадская область) и пока отстающего от него «Юга» (Кулябская, Курган-Тюбинская области). Особняком стоят районы, прилегающие к столице, и Горно-Бадахшанская автономная область. В Кыргызстане также выделяются северный (Нарынская и Иссык-Кульская области) и южный (Ошская область) кланы.

Другая особенность клана — он «комплектуется» преимущественно выходцами из сельской местности в первом поколении, причем чем отдаленнее от центров отстоит эта местность, тем выше потребность у человека ощущать себя членом клана и тем выше, следовательно, его спаянность. По мере приобщения к урбанизированной среде крупного города связь с кланом ослабевает, особенно у детей и внуков переселенца. Отсюда парадокс системы: чем образованнее человек, чем дальше он отошел от традиционного образа жизни и приобщился к жизни индустриальной, тем меньше у него стремления жить общиной и тем он беззащитней перед членами клана, стоящими по уровню интеллектуального развития ступенькой ниже.

Впрочем, незащищенность людей, превосходящих по своим личным способностям средний уровень работников бюрократической организации, характерна для любой модели государственного, иерархического социализма. Но в Средней Азии это явление усиливается клановой структурой общества.

Отсюда и другой любопытный феномен: как правило, из области клановых формирований исключается столица среднеазиатской республики, которая, таким образом, является верхней границей клановых структур. В Таджикистане нет «душанбинского клана», и люди, родившиеся и выросшие здесь, вынуждены определять свою этническую принадлежность по месту рождения родителей или дедов, хотя, может быть, им и не доводилось бывать в своей клановой вотчине. Это одна из причин того, что таджики, маргинальные в социокультурном отношении, весьма неуютно чувствуют себя в такой атмосфере и даже иногда стремятся выехать за пределы республики на постоянное место жительства.

* * *

Рассмотрев некоторые особенности общественной жизни населения Средней Азии, попытаемся ответить на поставленный в начале статьи вопрос. В результате развития в составе СССР регион сегодня представляет собой причудливый конгломерат современных форм экономической, социальной и политической организации, с одной стороны, и патриархальных форм этнической конкуренции — с другой. Ускоренные темпы экономического и культурного роста в первые десятилетия советской власти налицо, однако очевидна и сложность проблем, обусловленных периферийным положением в Союзе. Дальнейшее развитие не внушает оптимизма, особенно в связи с тем, что достигнутый уровень и качество жизни не соответствуют экономическому потенциалу региона. Тем не менее выход возможен, и, более того, он единственный: переход к самоподдерживающему экономическому росту региона и отказ от всеохватывающего патернализма центра.

МНОГОУКЛАДНОСТЬ В СОВЕТСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

© 1991

В. Н. УЛЯХИН

В обмен на хлопок и призрачную советскую государственность среднеазиатские республики получили мертвую землю, на которой уже не восстановить прежнее плодородие знаменитых местных сероземов, безработицу и массовые заболевания населения, опустошенные и обозленные человеческие сердца. В Средней Азии, пожалуй, наиболее ярко проявилась характерная черта советского (феодалного социализма) — резкая поляризация подданных и власть имущих. Здесь она предстает как обнищание народных масс, с одной стороны, присвоение похищенных у народа колоссальных богатств новыми баями (хозяйственными руководителями) и ханами (секретарями обкомов и республиканских ЦК) — с другой.

Многоукладность — это не только определенное состояние общества, но и инструмент его перехода от одного типа развития к другому. В эпоху научно-технической революции (НТР) все страны, независимо от уровня их развития, общественной ориентации или политической организации, превращаются в переходные. В таких новых индустриальных странах (НИС) Азии, как Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Турция, Таиланд, Малайзия, старый индустриальный тип роста все более изживает себя. Постоянное приспособление к требованиям внешнего и внутреннего рынка неизбежно становится ключевым фактором жизнеспособности ведущих корпораций, мелких и средних производителей, экономики в целом. В крупных странах Востока (Индия, Пакистан, Индонезия) переход реализуется, как правило, в рамках смешанного, но видоизменяющегося многоукладного воспроизводства, когда технологические инновации в масштабе корпоративного и (или) мелкокапиталистического сектора и соответствующие им сдвиги в социальной структуре приходят на смену традиционным факторным методам экономического роста.

Среднеазиатские республики СССР (Узбекская, Кыргызстан, Таджикская и Туркменская) тоже переживают своеобразный переходный период: административно-командная система — в коллапсе, но еще не отмерла, а регулирующий механизм рынка пока не сложился. Ситуация усугубляется необычайной остротой кризисных явлений, корни которых уходят в давнее и недавнее прошлое. Так что переход к новому типу развития здесь необходим как воздух. Однако существует серьезная опасность того, что в ближайшее время он не состоится, поскольку технологический уклад, аналогичный формирующимся в больших и малых странах зарубежного Востока, окажется на первых порах абсолютно несовместимым с прочно утвердившимися ранее техническими параметрами экономики Средней Азии, равно как и с не менее стойкими качественными характеристиками социальной структуры региона.